

RU

Ключевые механизмы сохранения семантической и стилистической целостности в переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык

Чжан Ваньцзин

Аннотация. Цель исследования – выявление ключевых механизмов, обеспечивающих сохранение семантической и стилистической целостности романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном китайском переводе. В статье рассмотрены механизмы перевода, которые способствуют передаче семантики и стилистики основных концептов оригинала в китайском языке (калькирование, дословный перевод, экспликация, компенсация и пр.). В рамках анализа механизмов сохранения семантической и стилистической целостности произведения исследуется специфика передачи синтагматических, прагматических, а также дискурсивных средств, реализующих полифоничность повествования. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его китайских переводов системно сопоставляются не только лексико-стилистические, но и прагматические, дискурсивные и синтагматические механизмы сохранения семантики и стилистики оригинала. В результате исследования установлено, что обеспечение семантической и стилистической целостности романа не детерминруется применением какого-либо единичного приема, а реализуется за счет комплексной координации взаимодополняющих переводческих механизмов, адаптируемых в зависимости от дискурсивно-прагматического контекста.

EN

Key mechanisms for preserving semantic and stylistic integrity in the translation of F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" into Chinese

Wanjing Zhang

Abstract. The study aims to identify the key mechanisms that ensure the preservation of the semantic and stylistic integrity of F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" in a modern Chinese translation. The paper examines translation mechanisms that contribute to the transmission of the semantics and stylistics of the original's main concepts in the Chinese language (calquing, literal translation, explication, compensation, etc.). As part of the analysis of mechanisms for preserving the semantic and stylistic integrity of the work, the specifics of conveying syntagmatic, pragmatic, and discursive means that realize the polyphony of the narrative are investigated. The scientific novelty of the research lies in the fact that, for the first time, using the material of F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" and its Chinese translations, not only lexico-stylistic, but also pragmatic, discursive, and syntagmatic mechanisms for preserving the semantics and stylistics of the original are systematically compared. As a result of the research, it was found that ensuring the semantic and stylistic integrity of the novel is not determined by the application of any single technique, but is realized through the comprehensive coordination of complementary translation mechanisms, adapted depending on the discursive-pragmatic context.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тенденциями в развитии современного переводоведения, характеризующимися формированием научного интереса к вопросам реализации художественного русско-китайского перевода с учетом лингвокультурных, прагматических и прочих факторов. В этом контексте

особую роль играет роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: с одной стороны, произведение занимает важное место в мировой и русской классической литературе как произведение с глубоко выраженной социально-психологической и социально-философской проблематикой, полифонической структурой и ярко представленным идиостилем писателя; с другой стороны, китайский язык и конфуцианско-культурный контекст предъявляют особые требования к передаче смыслов, экспрессивности и стилистических особенностей (Цэн Цзя, 2021; Чжао Хун, Дубкова, 2021). Именно несовпадение структурных средств и культурных референтов делает задачу сохранения семантической и стилистической целостности произведения особенно актуальной как для теории перевода, так и для практики литературной интерпретации. Отсюда большое значение имеет выявление механизмов, обеспечивающих семантическую и стилистическую целостность романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» при переводе на китайский язык.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить ключевые механизмы перевода, способствующие передаче семантики и стилистики основных концептов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в китайском языке;
- выявить специфику передачи синтагматических, прагматических и дискурсивных средств, реализующих полифоничность повествования, в рамках анализа механизмов сохранения семантической и стилистической целостности произведения в китайском переводе.

Для выявления и систематизации механизмов сохранения семантической и стилистической целостности при переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык в статье применяются методы: анализа семантических полей и эквивалентных реализаций; стилистико-композиционного анализа оригинала и его переводов; исследования текстов с использованием частотно-коллокационного и контекстного анализов; исследования лингвокультурной адаптации и трансформаций этнокультурных маркеров; прагматического анализа коммуникативных эффектов переводческих решений.

Материалом исследования послужили текст романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1973) и его переводы на китайский язык, выполненные такими переводчиками, как Жу Лун (汝龙译, 1999), Ли Ган и Юань Янань (力冈, 袁亚楠译, 2010a; 2010b), Чжу Хайгуань и Ван Вэнь (朱海观, 王汶译, 2004).

Теоретическую базу исследования составляют научные работы в области лингвистики текста (Алефиренко, 2019; Гальперин, 1981; Фефилов, 2020), а также теории перевода (Гарбовский, 2004; Комиссаров, 2014), в том числе работы, освещающие проблемы перевода художественного текста с русского языка на китайский (Со Цян, 2021; Тун Цзин, 2020; Цю Ши, 2017) и вопросы адаптации лингвокультурного контекста и языковых особенностей романов Ф. М. Достоевского в ходе русско-китайского перевода (Алексеев, 2016; Чжао Хун, Дубкова, 2021; Цэн Цзя, 2021).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в образовательной практике: во-первых, материалы исследования могут быть интегрированы в учебные программы вузов и специализированных школ перевода как базис для курсов по сопоставительной стилистике, переводоведению и методике преподавания художественного перевода; во-вторых, результаты исследования также могут найти применение в рамках разработки модулей подготовки преподавателей и программ стажировки, ориентированных на передачу семантической точности, идиостиля и полифонии произведений Ф. М. Достоевского. Кроме того, результаты исследования могут обеспечить основу для создания методических пособий, рекомендаций, а также дальнейшего научного изучения вопросов репрезентации культурно-языковых маркеров и прагматических свойств художественного текста.

Обсуждение и результаты

Семантические и стилистические особенности романа «Преступление и наказание» проявляются в совокупности языковых средств и дискурсивных приемов, обеспечивающих глубину психологических образов, полифонию повествования, систему смысловых подтекстов, что позволяет писателю создать многослойную текстовую структуру (Чжао Цюлин, 2020). Как показывает общий анализ романа «Преступление и наказание», на лексико-семантическом уровне реализации текста данного произведения сочетаются разговорные и просторечные обороты («Гм... да... все в руках человека, и все-то он мимо носу пронесит, единственно от одной трусости»; «Вот эдакая какая-нибудь глупость, какая-нибудь пошлейшая мелочь, весь замысел может испортить» (Достоевский, 1973, с. 6-7)), библейские цитаты («Был же болен некто Лазарь, из Вифании...» (Достоевский, 1973, с. 249)) и философские размышления («...болезнь ли порождает самое преступление или само преступление, как-нибудь по особенной натуре своей, всегда сопровождается чем-то вроде болезни?» (Достоевский, 1973, с. 59)) – все это контрастное сочетание усиливает конфликт мировоззрений и подчеркивает социальные и моральные разногласия между героями романа.

Стилистически важную роль в романе играет полифония: авторское мировосприятие переплетается с внутренними монологами персонажей («Но нет, опять не то! Надо идти, идти...» (Достоевский, 1973, с. 67) или в эпизоде, где герой размышляет «об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях...» (Достоевский, 1973, с. 61)) и театрализованными диалогами («– Господи! Да чего вам?.. Кто такой? Что вам угодно? – Помилуйте, Алена Ивановна... знакомый ваш... Раскольников... вот, заклад принес, что обещался наемни... – И он протягивал ей заклад» (Достоевский, 1973, с. 62)), что в целом создает эффект многоголосия и позволяет показать одновременное сосуществование различных точек зрения.

Это (в том числе) обеспечивает репрезентацию таких ключевых концептов романа, как *свобода, вина, долг, искупление* и пр. Однако больший интерес представляет то, как эти ключевые концепты реализуются в переводе, в частности на китайский язык, поскольку сам перевод неизбежно вовлекает язык перевода в акт воссоздания смыслов (Калиш, 2011): одни значения легко входят в язык перевода, другие требуют семантических и стилистических трансформаций, культурной адаптации. В этой связи целесообразно выделить ключевые механизмы, обеспечивающие сохранение семантической и стилистической целостности художественного произведения.

Выявление основных **семантических и стилистических особенностей репрезентации ключевых концептов** романа «Преступление и наказание» в контексте их переводов на китайский язык (汝龙译 [Жу Лун], 1999; 力冈, 袁亚楠译 (上, 下) [Ли Ган, Юань Янань], 2010a; 2010b; 朱海观, 王汶译 [Чжу Хайгуань, Ван Вэнь], 2004) позволили определить следующие механизмы, реализующиеся на лексико-семантическом и стилистическом уровнях. Так, сопоставительный анализ показал, что лексико-семантический уровень в переводах преимущественно ориентирован на сохранение смысловой плотности оригинала: переводчики склонны к калькированию и дословному переводу. К примеру, такие концепты, как *свобода, долг, искупление*, в китайском языке приобретают следующий вид: 自由 /zìyóu/ – *свобода*; 责任 /zérèn/ – *долг, ответственность*; 贖罪 /shúzuì/ – *искупление*. Их использование в тексте перевода позволяет китайскому читателю увидеть в том же объеме основные смысловые опоры текста-оригинала и сохранить плотность тематических мотивов романа Ф. М. Достоевского. Однако далеко не всегда семантика русского слова укладывается в одну эквивалентную лексическую единицу китайского языка (без потери ее смысловых оттенков). Так, например, если лексическая единица несет в себе культурно-специфические коннотации, исторические отсылки и многослойные эмоциональные оттенки, то зачастую китайские переводчики используют прием экспликации. Уточнение концепта осуществляется за счет добавочных пояснений в тексте или посредством перестройки синтаксических конструкций. Например, типичными вариантами передачи в китайских переводах концепта *вина* являются:

- 罪孽 /zuìniè/ – букв.: «грех, вина» (калька от «вина/грех») (汝龙译 [Жу Лун], 1999; 力冈, 袁亚楠译 (上, 下) [Ли Ган, Юань Янань], 2010a; 2010b) (сильная семантическая близость позволяет сохранить плотность смыслов, но иногда теряются оттенки (религиозно-моральная/психологическая «вина»);
- 负罪感 /fùzuìgǎn/, 有罪感 /yǒuzuìgǎn/ – «чувство вины» (экспликация внутреннего состояния) (力冈, 袁亚楠译 (上, 下) [Ли Ган, Юань Янань], 2010a; 2010b) (если в оригинале «вина» выражается через поведение, намеки или образные и метафорические выражения (угрызение совести, мучения души и пр.), то в китайских переводах могут добавляться различные выражения, к примеру, 有.....感/被.....折磨 (чувствовать/подвергаться пыткам), с целью изображения внутреннего состояния героев);
- 良心的谴责 /liángxīn de qiǎnzé/, 良心上的折磨 /liángxīn shàng de zhémó/ – «угрызения совести» / «муки совести» (перестройка синтаксиса и семантическое уточнение) (力冈, 袁亚楠译 (上, 下) [Ли Ган, Юань Янань], 2010a; 2010b; 朱海观, 王汶译 [Чжу Хайгуань, Ван Вэнь], 2004) (выражение «угрызения/муки совести» зачастую передается как «良心折磨, 良心上的谴责» /liángxīn zhémó, liángxīn shàng de qiǎnzé/, где мы видим, что переводчики меняют синтаксическую структуру, что позволяет им сохранить эмоциональную и прагматическую составляющие оригинала, адаптируя при этом его ключевые концепты к нормам китайского языка).

В то же время важно отметить, что сам концепт *вина* предполагает разнородные оттенки семантики: юридическая вина, моральная вина, вина с точки зрения религии и веры и пр.; в китайских переводах (с целью сохранения данных нюансов), как правило, используются различные лексические единицы 罪 /zuì/ – преступление, 罪孽 /zuìniè/ – грех, 负罪感 /fù zuì gǎn/ – чувство вины, 过失 /guòshī/ – вина, что приводит к «расслоению» одного русского концепта на несколько китайских лексем. Ввиду этого переводчики могут прибегать к приему компенсации, который позволяет передать в тексте-переводе тонкую игру слов или различные стилистические сокращения автора, восполняя утраченные оттенки значения в одном месте текста за счет добавления или усиления их в другом. Например, в китайском переводе концепт *свобода* может семантически «распадаться» на следующие китайские единицы: 自由 /zìyóu/; 解放 /jiěfàng/; 释放 /shìfàng/; 摆脱束缚, 自主 /bǎituō shùfù, zìzhǔ/; 放任 /fàngrèn/ (力冈, 袁亚楠译 (上, 下) [Ли Ган, Юань Янань], 2010a; 2010b; 朱海观, 王汶译 [Чжу Хайгуань, Ван Вэнь], 2004), оттенки семантики которых предполагают *свободу* с точки зрения личностного и социального отношения; освобождения от внешнего угнетения; освобождения как процесса; психологического/экзистенциального освобождения; понимания свободы как негативного явления соответственно. Прием компенсации в данном случае, как показывает анализ, реализуется при помощи:

- лексической дифференциации и детализации (так, в переводе могут присутствовать поясняющие элементы – 政治 / 个人 / 精神上的自由, 解放于外 在压迫等 (политическая/личная/духовная свобода, освобождение от внешних обстоятельств), – которые служат конкретизирующим элементом, возмещающим утраченные в результате лексической дифференциации оттенки значения);
- использования параллелизма, повторов, экспликации (параллелизм и повторы реализуются за счет перечисления однородных членов в комплексе с ключевым концептом: 思想的自由, 言论的自由 (свобода мысли, свобода слова), экспликация, в свою очередь, – за счет введения разных поясняющих конструкций: 包括..., 意味着..., 即... (включает в себя..., означает..., то есть...)).

При этом большой интерес вызывает стилистический уровень проявления основных концептов данного произведения в китайском языке. Так, стилистический уровень, прежде всего, обусловлен тем, что он предполагает не только передачу значения концептов, но и воссоздание их в контексте речевой, эмоциональной, прагматической, лингвокультурной составляющих текста. Анализ показывает, что, например, для передачи таких концептов, как *преступление, наказание, искупление* (которые репрезентируются в тексте зачастую

через речь персонажей), китайские переводчики прибегают к ряду устойчивых стратегий. Одна из них связана с передачей модальности и коммуникативных регистров речи персонажей (Евстафиади, 2010). В частности, выявляются аспектуальные и видовые маркеры, компенсирующие отсутствие в китайском языке категории времени, придающие высказываниям нарративную завершенность/длительность действий, связанных с *пре-ступлением, наказанием, искуплением*: 一定 /yīdìng/, 必然 /bìrán/, 也许 /yěxǔ/, 可能 /kěnéng/, 显然 /xiǎnrán/ (модальные наречия и частично-лексические маркеры: *должен, обязательно, возможно, очевидно*); 能 /néng/, 会 /huì/, 可以 /kěyǐ/, 应该 /yīnggāi/, 必须 /bìxū/, 得 /dé/ (модальные глаголы: *может, будет, мог бы*) и пр. Так, в качестве примера можно привести два выражения, используемых переводчиками: 我*必须*赎罪 /wǒ bìxū shúzuì/ и 我*应该*赎罪 /wǒ yīnggāi shúzuì/ – я должен искупить свою вину (汝龙译 [Жу Лун], 1999; 朱海观, 王汶译 [Чжу Хайгуань, Ван Вэнь], 2004), где первый вариант предполагает понимание *искупления вины* как некоего обязательного принудительного действия, второй вариант имеет более мягкую морально-нравственную оценку.

С целью репрезентации ключевых концептов в тексте перевода китайские переводчики зачастую сочетают короткие парцеллированные фразы и более сложные синтаксические конструкции (в том числе риторического характера), а также используют различные средства пунктуации (в частности, паузы, выражающиеся за счет многоточий «.....» и символов, указывающих на прерывание потока мысли и резкие переходы от одной идеи к другой «—»). Все это нацелено на воссоздание особой динамики и напряженности, которые присущи как повествованию, так и монологам и диалогам героев романа. В качестве примера приведем отрывок, где репрезентируется такой концепт, как *счастье*:

В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же наконец эта минута... Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь (Достоевский, 1973, с. 369).

里闪耀着无限幸福的光辉, 她明白了, 而且再也毫无疑问了: 他爱她, 无限地爱她, 这个时刻毕竟终于降临了..... 他俩都想说点什么, 然而又都说不出来。他俩的眼睛里都噙着泪水, 他们两人都脸色笋白, 身体消瘦, 然而在这两张病恹恹、白化化的面孔上已经闪耀着焕然一新的未来的曙光, 彻底复活获得新生的曙人命源克..... (汝龙译 [Жу Лун], 1999, 頁. 566). / Безграничное счастье сияло в ее глазах. Она поняла без тени сомнения: он любил ее, бесконечно любил, и этот момент, наконец, настал... Они оба хотели что-то сказать, но не могли. Слезы наворачивались на глаза, лица побледнели, тела исхудали, но на этих двух оправившихся, белых лицах сияла заря нового будущего, заря полного воскрешения, новой жизни... (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Ч. В.).

Комбинация коротких фраз и развернутых, описательных предложений создает особую динамику вокруг представлений героев о счастье. При этом данный концепт (как и в оригинале) репрезентируется не только лексически (словосочетаниями 无限幸福 /wúxiàn xìngfú/ – *безграничное счастье*, 他爱她 /tā ài tā/ – *любил ее*, 无限地爱她 /wúxiàn de ài tā/ – *любил бесконечно*), но и при помощи введения в текст телесных образов: *слезы, побледнение, истощение* – все эти признаки усиливают эффект контраста между внешним бессилием и внутренним (духовным) подъемом (для героев *счастье* – это не легкая и повседневная радость, а «экзистенциальный прорыв», пережитый как спасение и возрождение (Лесевицкий, 2013)). Особое значение имеют средства пунктуации (многоточие «.....» и тире «—»), позволяющие фиксировать паузы и переходы, усиливающие напряжение и передающие внутреннюю речь / впечатление), а также риторические повторы и инверсия: 他爱她 (любил ее), 无限地爱她 (любил бесконечно), 这个时刻毕竟终于降临了 (этот момент, наконец, настал), что формирует многослойную когнитивно-эмоциональную структуру концепта *счастье*.

Необходимо отметить, что в целом выявление ключевых механизмов сохранения семантических и стилистических особенностей романа «Преступление и наказание» при переводе на китайский язык привело нас к пониманию того, что структурообразующую роль играют синтагматические, прагматические и дискурсивные средства перевода. В то же время анализ **специфики передачи синтагматических, прагматических и дискурсивных средств** (которые в том числе обеспечивают реализацию полифоничности повествования романа (Бахтин, 2017)) показал, что, в частности, на синтагматическом уровне семантическая и стилистическая целостность и эквивалентность китайского перевода достигается за счет «тонкой перестройки» порядка слов, выбора композитов и перефразирования. Все это также служит инструментами сохранения коллокаций (устойчивых комбинаций слов) и образных словосочетаний. Например, фраза-коллокация «*тяжелое чувство*» в оригинале («*Тяжелое чувство сдавило его сердце*» (Достоевский, 1973, с. 355)) может быть переведена на китайский язык как 沉重的感觉 /chénzhòng de gǎnjué/ – *тяжелое чувство* (буквальный перевод), так и в виде аббревиации 沉重感 /chénzhòng gǎn/ – *тяжесть* (в целом характерной для китайского языка), либо может иметь вид перефразирования с целью передачи образного выражения и эмоционального акцента: 一股沉重感压在他的心头 /yī gǔ chénzhòng gǎn yā zài tā de xīntóu/ – *тяжелое чувство легло ему на сердце* (汝龙译 [Жу Лун], 1999); 心里涌起一种沉重 /xīnlǐ yǒng qǐ yī zhǒng chénzhòng/ – *тяжелое чувство нахлынуло на сердце* (力冈, 袁亚楠译 (上, 下) [Ли Ган, Юань Янань], 2010a; 2010b); 一种压抑的感觉笼罩着他 /yī zhǒng yāyì de gǎnjué lóngzhàozhe tā/ – *его охватило чувство угнетения* (朱海观, 王汶译 [Чжу Хайгуань, Ван Вэнь], 2004). Выбор переводчиков между данными выражениями определяется потребностью в сохранении не только семантики, но и стилистической тональности высказывания. Отсюда возникает проблема: отдать предпочтение компактности и образности или же прагматической развернутости и интонации с эмоциональной окраской (в исследуемых вариантах переводчики останавливаются на втором).

На прагматическом уровне основными средствами, обеспечивающими передачу семантической и стилистической целостности перевода романа, служат реплицированные речевые акты и прагматические маркеры китайского языка (частицы, междометия, модальные слова), которые позволяют переводчикам реализовать иллюкутивную функцию. В качестве примера можно привести следующий отрывок:

– Я тоже не намерен идти, – сказал Лебезятников. – Еще бы! Собственноручно отколотили. Понятно, что совестно, хе-хе-хе! – Кто отколотил? Кого? – вдруг всполошился и даже покраснел Лебезятников. – Да вы-то, Катерину-то Ивановну, с месяц назад, что ли! Я ведь слышал-с, вчера-с... То-то вот они убеждения-то!.. Да и женский вопрос подгулял. Хе-хе-хе! (Достоевский, 1973, с. 194).

«我也不想去。» 列别页特尼科夫说。

«那还用说! 杀手打过人家嘛! 这是可以理解的, 内心郑愧呀, 哩虽嘿!»

«谁打过? 打过谁?» 列别贾特尼科夫突然慌乱起来, 甚至变得面红耳赤。«就是您呀, 您打了卡捷琳娜。伊万诺英娜, 大约一个月以前, 对吧? 我可是昨天才听说的..... 您的信念原来就是这个样子啊!..... 妇女问题都没处理好呢。嘿嘿嘿!» (朱海观, 王汶译 [Чжу Хайгуань, Ван Вэнь], 2004, 頁. 382). / «Я тоже не хочу идти», – сказал Лебезятников. «Конечно! Убийца и раньше нападал на людей! Понятно. В конце концов, он чувствует себя виноватым!» «Кто ее ударил? Кто ударил?» – Лебезятников вдруг растерялся, лицо его залилось краской. «Это ты Катерину Ивановну ударил. Это же месяц назад было, да? Я только вчера об этом узнал... Так вот во что ты веришь!... Ты даже женских проблем не знаешь. Хе-хе-хе!».

Среди основных средств, представленных в данном китайском переводе, следует выделить:

– частицы и вводные обороты: 呀 /ya/, 啊 /a/, 嘛 /ma/, 呢 /ne/, 那还用说 /nà hái yòng shuō/ (ах, а, само собой, само собой разумеется), передающие уверенность, раздражение, насмешку, уточнение (в русском языке эти функции выполняют частицы *же, ведь*, междометия *ну, да, эх*) (Курдюмов, 2014);

– повторы и риторические вопросы: 谁打过? 打过谁? /Shéi dǎguò? Dǎguò shéi?/ – Кто ее ударил? Кого ударил?, которые дают возможность передать драматическую напряженность и имитировать диалоговую динамику оригинала. В том числе это реализуется за счет единицы 过 /guò/ – аспектного маркера пережитого опыта, который указывает, что действие когда-то происходило хотя бы один раз («когда-то делал/бывало»), а не строго «многократно». Чтобы отметить фактическую многократность, обычно добавляются слова типа 很多次 /hěnduō cì/, 好几次 /hǎojǐ cì/, 多次 /duō cì/ – много раз, несколько раз;

– паралингвистические знаки: смех 嘿嘿嘿 /hēihēi hēi/, фонации (звукоподражание) 哩虽嘿 /lǐ suī hēi/ (имитация хихиканья/насмешки) – часто выполняют иллюкутивную функцию (могут заменять прямые реплики героев, при этом подразумевать иронию, сарказм, смягчение или, напротив, усиление коммуникативного эффекта) и др.

Соответственно, на прагматическом уровне с целью передачи «иллюкутивной силы» (Alston, 2000) и коммуникативной окраски оригинала китайские переводчики прибегают к совокупности стратегий передачи прагматических маркеров: от прямой лексико-грамматической замены до экспликации и воссоздания пунктуационных и паралингвистических знаков.

Дискурсивный уровень, в свою очередь, требует сохранения не просто отдельных средств и приемов при переводе на китайский язык, но целого комплекса стилистических маркеров, которые обеспечивают множественность голосов и внутреннюю полифонию романа. Для этого китайские переводчики используют разнообразные средства лексики, синтаксиса и стилистики языка. Так, в вопросе дифференциации речи персонажей и авторской речи китайские переводчики зачастую вводят в текст дополнительные языковые компоненты: например, исходная фраза «что ты делаешь?» может быть передана такими фразами, как 你干嘛啊? /nǐ gàn ma a?/ (汝龙译 [Жу Лун], 1999) (прямая реплика, характерная для китайской разговорной речи, которая трактуется в более узком ключе; ср. 你在干嘛啊? /nǐ zài gàn ma a?/; большое значение имеет контекст), либо как 他被一种无法用言语表达的不解感包围 /tā bèi yī zhǒng wúfǎ yòng yányǔ biǎodá de bù jiě gǎn bāowéi/ – его охватило чувство непонимания, которое сложно было выразить словами (朱海观, 王汶译 [Чжу Хайгуань, Ван Вэнь], 2004) (книжная фраза, выражающаяся через номинализацию и перефразирование, что, безусловно, отличает авторскую интонацию от прямой реплики). В результате комплекс всех этих языковых решений позволяет китайским переводчикам передать иллюкутивную силу и полифонию повествования романа «Преступление и наказание», реализующуюся за счет дискурсивных (а также синтагматических и прагматических) средств, которые и определяют ключевые механизмы сохранения как семантической, так и стилистической целостности рассматриваемого произведения.

Кроме того, необходимо отметить, что передача семантической и стилистической целостности романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном китайском переводе обеспечивается за счет когезии и когерентности. Так, когезия (представляющая внутритекстовую связанность и воспроизводимость логических, каузальных и тематических связей между элементами повествования (Величко, 2016)) реализуется через совокупность лексических и грамматических средств: повторов лексем и синонимических замен, анафорических отсылок и указательных слов (这 /zhè/; 那 /nà/; 此 /cǐ/; 彼 /bǐ/ – это, то), союзов (因此 /yīncǐ/ – следовательно, поэтому; 所以 /suǒyǐ/ – итак; 然而 /rán'ér/ – однако; 可是 /kěshì/ – но), а также через эллипсис и референциальные элементы. В оригинале рассматриваемого произведения все эти средства часто работают через насыщенные анафорические ряды, длинные сложноподчиненные конструкции, риторические повторы, усиления и параллелизмы. В китайском языке иная грамматическая организация: топико-фокусная структура, склонность к опущению местоимений, преимущественно преобладание парцелляции и коротких предложений, а также фонетико-интонационных частиц (呢 /ne/; 吗 /ma/; 吧 /ba/; 哦 /ó/).

Что касается когерентности, то она (обеспечивая логико-семантическую, грамматическую и стилистическую соотнесенность и взаимозависимость составляющих элементов текста, в том числе за счет причинно-следственных связей и мотивов, специфики развития тем и характеров, глобальных композиционных схем (Величко, 2016)), в частности, Ф. М. Достоевскому позволяет добиваться многоплановой целостности произведения: единства тематики и нравственно-психологического замысла при многообразии сюжетных линий и речевых позиций. За счет причинно-следственной связности эпизодов писатель органично сплетает внешние события с внутренними трансформациями героев, при этом когерентность проявляется в том, что повторяющиеся образы и темы – *вина и искупление, сомнение и вера, сон и пробуждение* – откликаются в разных сценах, меняя контекст и углубляя смысл. При переносе текста на китайский язык переводчики пытаются сохранить не столько буквальную структуру предложений, сколько принципиальные механизмы поддержания целостности – причинно-следственные связи, мотивы, тематические рефрены, характерную интонационно-речевую полифонию.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Во-первых, установлено, что обеспечение семантической и стилистической целостности романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» не детерминруется применением какого-то единичного приема, а реализуется за счет комплексного использования дополняющих друг друга переводческих механизмов, в том числе адаптируемых в зависимости от дискурсивно-прагматического контекста. В частности, в ходе *рассмотрения особенностей передачи семантики и стилистики основных концептов романа* «Преступление и наказание» на китайский язык выявлены две взаимосвязанные группы механизмов:

- на лексико-семантическом уровне применяются приемы калькирования и дословного перевода (зачастую это касается ситуаций, где необходимо сохранить смысловую нагрузку и концептуальную метонимию оригинала); однако в тех ситуациях, где требуется контекстуализация семантики, как правило, используются экспликация и компенсация (в рамках которых осуществляется развернутая передача подтекста при помощи пояснений или «перераспределения» языковых единиц во фразах и предложениях);
- на стилистическом уровне выявляется совокупность переводческих приемов, нацеленных на воссоздание образов персонажей, их концепций и идей, представленных в рамках монологов и диалогов, в том числе посредством китайских частиц, модальных слов и риторических конструкций, а также различных синтаксических средств (пунктуации, интонационно-имитирующих структур, чередования парцелляции и сложного синтаксиса).

Во-вторых, установлено, что *особенность передачи синтагматических, прагматических и дискурсивных средств*, обеспечивающих полифоничность повествования, заключается в том, что переводчик опирается не столько на буквальную эквивалентность отдельных слов и фраз, сколько на комплекс средств, доступных китайской языковой системе, что позволяет передать ключевые свойства семантики и стилистики основных концептов романа. Обоснованность данного вывода заключается в смещении методологического акцента от уровня единичной эквивалентности к уровню системной репрезентации концептуальных полей: показано, что восстановление полифоничности текста в переводе возможно посредством целенаправленной мобилизации межуровневых лингвистических механизмов и приема комплексной адаптации, а не простого соответствия отдельных единиц. Теоретически это расширяет представления о критериях адекватности перевода и предлагает эмпирически обоснованную платформу для разработки новых переводческих стратегий, направленных на сохранение полифонии оригинала в условиях структурных различий языковых систем.

Кроме того, определяется, что синтагматический уровень сохранения семантической и стилистической целостности романа в китайском переводе обеспечивается за счет адаптации порядка слов и перефразирования, что дает возможность передать образность и динамику повествования романа; прагматический уровень – за счет реплицированных речевых актов и прагматических маркеров китайского языка (частиц, модальных форм), реализующих иллокутивную функцию, а также нацеленных на воссоздание речевых актов, пауз, которые играют значимую роль в процессе передачи подтекста; наконец, дискурсивный уровень – за счет эквивалентности дискурсивных функций текста-оригинала, реализующихся в переводе при помощи китайских лексических единиц, синтаксических структур, а также стилистических маркеров, направленных на сохранение полифонии повествования романа и в целом его семантической и стилистической целостности. При этом когезия и когерентность как ключевые механизмы текстовой целостности оказываются реализуемыми посредством совокупности лексико-грамматических и дискурсивных стратегий, адаптированных к характерным средствам китайского языка.

В качестве перспектив дальнейшего исследования обозначенной проблематики можно назвать углубление методологического подхода к анализу переводческих механизмов, расширение эмпирической базы за счет переводов других китайских переводчиков, а также применение корпусных и нейролингвистических методов для качественной и количественной оценки примеров сохранения подтекста и динамики семантических и стилистических проявлений в художественном русско-китайском переводе.

Материалы исследования | Research materials

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. Т. 6. Преступление и наказание: роман в 6 ч. с эпилогом / текст подгот. Л. Д. Опульская.
2. 汝龙译. (俄) 陀思妥耶夫斯基. 罪与罚. 安徽文艺出版社, 1999 (Жу Лун (пер.). Федор Достоевский. Преступление и наказание. Аньхой: Аньхойское литератур.-худож. изд-во, 1999).

3. 力冈, 袁亚楠译. 陀思妥耶夫斯基 全集. 第七卷罪与罚 (上) / 陈桑主编. 石家庄: 河北教育出版社, 2010a (Ли Ган, Юань Янань (пер.). Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского: в XXII т. Шицзячжуан: Hebei Education Press, 2010a. Т. VII. Преступление и наказание. Часть 1 / под ред. Чэнь Шэня).
4. 力冈, 袁亚楠译. 陀思妥耶夫斯基 全集. 第八卷罪与罚 (下) / 陈桑主编. 石家庄: 河北教育出版社, 2010b (Ли Ган, Юань Янань (пер.). Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского: в XXII т. Шицзячжуан: Hebei Education Press, 2010b. Т. VIII. Преступление и наказание. Часть 2 / под ред. Чэнь Шэня).
5. 朱海观, 王汶译. 陀思妥耶夫斯基 罪与罚. 北京: 人民文学出版社, 2004 (Чжу Хайгуань, Ван Вэнь (пер.). Федор Достоевский. Преступление и наказание. Пекин: Изд-во народной лит-ры, 2004).

Источники | References

1. Алексеев П. В. Достоевский и Китай: к постановке имагологической проблемы // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы V Междунар. науч. конф., Горно-Алтайск, 26-29 сентября 2016 г.: в 2 т. Горно-Алтайск, 2016. Т. 1.
2. Алефиренко Н. Ф. Дискурс: смыслопорождающий механизм текста: монография. Градец Кралове: Gaudeamus, 2019.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Эксмо, 2017.
4. Величко М. А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. Вып. 2 (177).
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
6. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004.
7. Евстафиади О. В. Коммуникативные регистры и виды речи // Наука и современность. 2010. № 5-3.
8. Калиш Е. Е. Перевод как о-смысление межкультурной коммуникативной ситуации // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2011. № 11.
9. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Изд-е 2-е, испр. / под ред. Д. И. Ермоловича. М.: Р. Валент, 2014.
10. Курдюмов В. А. Морфологический уровень китайского языка как изолирующего топикивого. Сущность и содержание позиции частицы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 1 (13).
11. Лесевский А. В. Психоаналитические интерпретации экзистенциальных смыслов жизни героев произведений Ф. М. Достоевского // Политика, государство и право. 2013. № 9.
12. Со Цян. Особенности перевода русских поэтических текстов на китайский язык: на материале поэзии С. Есенина: дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2021.
13. Тун Цзин. Лингвокультурный потенциал комментариев в переводном художественном тексте и его реализация в китайских переводах повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2020.
14. Фефилов А. И. От философии и лингвистики к когнитологии: монография. Ульяновск: УлГУ, 2020.
15. Цэн Цзя. Современное прочтение романов Ф. М. Достоевского в Китае: развитие идеи «жизнь есть рай» // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 6.
16. Цю Ши. Проблемы передачи стилистических особенностей художественных текстов при переводе с русского на китайский язык // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2017. № 4.
17. Чжао Хун, Дубкова О. В. Перевод и исследование творчества Ф. М. Достоевского в Китае в XXI в. // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8\(4\).671-686](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(4).671-686)
18. Чжао Цюлин. Анализ полифонии романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-2 (49).
19. Alston W. P. Illocutionary acts and sentence meaning. Ithaca – N. Y.: Cornell University Press, 2000.

Информация об авторах | Author information

Чжан Ваньцзин¹

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва

Wanjing Zhang¹

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

¹ zhangwanjing@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.09.2025; опубликовано online (published online): 29.10.2025.

Ключевые слова (keywords): семантическая и стилистическая целостность; полифоничность повествования; переводческие механизмы; роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»; перевод на китайский язык; semantic and stylistic integrity; polyphony of the narrative; translation mechanisms; F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"; translation into Chinese.